

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №9 2026 ГАЗЕТА

Геннадий Рязанцев-Седогин / Приходские хроники





РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН Геннадий Николаевич (о. Геннадий)

Родился в 1954 году в селе Карамышево Липецкой области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, Московскую духовную семинарию. Работал художником. В настоящее время — протоиерей, настоятель храма Архистратига Михаила в Липецке. Поэт, прозаик, эссеист.

Член Союза писателей и Союза журналистов России, член Правления регионального отделения Международного содружества писательских Союзов. В 2016 году избран почетным профессором Академии литературной документалистики.

Действительный член Петровской Академии наук и искусств, член-корреспондент Академии Российской поэзии, член Международной ассоциации писателей и публицистов.

XI церемония награждения победителей Литературной премии Партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ за 2025 год



Поздравляем победителей и лауреатов



Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

**Редакционная
коллегия:**

Дмитрий Белокин
Алексей Варламов
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Обложка
Фёдор Васильев
«Волжские лагуны»

Права

на использование
товарного знака

«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2026
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2026 №9 /1998/ Основана в 1927 г.

Геннадий Рязанцев-Седогин

Приходские хроники

ПРЕДАННЫЙ АНГЕЛ

Стояла прохладная осень. Я возвращался из деревни в город по оживлённой трассе М-4 «Липецк—Москва», как вдруг заметил на противоположной стороне дороги одиноко идущего по обочине мальчишку лет двенадцати. Кроме снующих автомобилей на этом участке дороги не было никого из пешеходов, да и не могло быть. Пятнадцать километров до города и три километра до ближайшего районного центра Боринское. Как этот подросток оказался здесь и куда он идёт? И почему люди, проносящиеся на автомобилях мимо, не обращают на него никакого внимания? Сначала я хотел замедлить движение и, открыв окно машины, крикнуть, не нужна ли ему помощь. Но перестроиться не получилось из-за интенсивного движения, да я ещё оказался под светофором на крайней правой полосе дороги, а мальчик, ни на что не обращая внимания, упорно шёл и шёл вперёд. Регулировочные светофоры на трассе, в отличие от городских — намного длиннее. Эти две минуты растянулись, как мне показалось, на целых пять минут. Я начал нервничать и принял решение проехать значительно вперёд и остановиться справа у обочины, далеко впереди идущего мальчишка. Выйти из автомобиля, перебежать дорогу и пойти навстречу ему. Так я и сделал. Переживая проносящиеся машины, я перебежал две полосы дороги со своей стороны, неловко испачкавшись в пыли, перелез через отбойник и, обдуваемый ветром проносящейся фуры, постоял около него и затем по встречной полосе перебежал на другую сторону.

До мальчишка, идущего прямо на меня, оставалось метров пятьдесят. Я шёл не спеша, рассматривая его в надежде, что он обратит внимание на идущего к нему взрослого человека. Но он смотрел себе под ноги и всецело был погружён в свои мысли. Казалось, он ничего не видел вокруг. Он буквально наткнулся на меня. Поднял голову и не очень заинтересованно взглянул мне в глаза. Это продолжалось не более трёх секунд. Он обогнул меня справа и двинулся дальше к назначенной им цели. Я развернулся и пошёл с ним рядом.

— Остановись, — пытаюсь перекричать вой машин, громко сказал я и наклонился к нему. — Скажи, куда ты идёшь и откуда держишь путь?

Он молчал и продолжал упорно идти вперёд.

Я рассмотрел его ближе. Был он светловолос, бледен и имел худенькую фигурку. Волосы были включены и торчали в разные стороны. На его узких плечиках была надета простая выцветшая курточка, на ногах серые кроссовки и узкие тёмные джинсы. На мокрых кроссовках, на влажных джинсах и курточке — следы грязи и куски зеленоватой тины. Складывалось впечатление, что он недавно выбрался из болота.

Я остановил его, взяв за ледяную руку с тонкими мальчуковыми пальчиками. «Как он замерз», — подумал я, и этот холод прямо передался мне. На улице стояла холодная осень.

— Ну подожди, — остановил я его, — мне нужно спросить у тебя кое-что.

Я преградил ему дорогу, и он был вынужден остановиться.

— Как тебя зовут?

— Дима, — сухо ответил он, едва пошевелив синюшными губами.

— Как ты здесь оказался один? — пытаюсь поймать его взгляд, спросил я.

— Я иду в город, — наконец недоверчиво, но членораздельно, сощурился глаза, сказал он и взглянул на меня.

— Но до города пятнадцать километров, — выразив немалое удивление в голосе, твёрдо сказал я.

— Ну и что? А мне всё равно. Мне надо в город.

Он нетерпеливо смотрел в землю и готов был каждую секунду идти вперёд.

— А откуда ты идёшь и где твой дом? Где мать и отец?

— Я живу с родителями в Боринском.

— В Боринском? Это в трёх километрах отсюда. Давай я тебя отвезу к отцу с матерью, они, поди, волнуются за тебя?

— Мне нельзя домой.

— Почему?

Он думал, что ему сказать, и не придумал ничего.

— Мне надо в город, — твёрдо произнёс он и решил обойти меня слева.

— Давай, — сказал я, присев перед ним на корточки и держа его ладонями за влажные предплечья, — расскажи мне, что случилось? Почему ты весь мокрый, грязный, в клочьях этой зелёной травы? Где ты был?

Он взглянул на меня своими, как мне показалось, сине-сиреневыми глазами. Бледность и худоба лица его, синюшность холодных губ и распахнувшиеся чистые глаза его показались мне светящимися молодой сиренью. Это был взгляд упавшего на землю ангела. Сердце сжалось у меня в груди.

— Не бойся меня, я тебя не обижу, — насколько возможно искренне обратился я к ангелу, — я хочу только одного: помочь тебе. Я вижу, ты попал в беду. Ну расскажи мне, что случилось?

И бедный мальчик стал говорить, доверившись мне.

— Мне нельзя домой, меня родители убьют. Вчера я пил водку.

Он смотрел в землю отчаявшимися глазами, словно припоминая последние события, произошедшие с ним.

— Мне надо идти в город на рынок и забрать свой телефон и красную футболку. Если я вернусь домой без них, меня отец убьёт.

Глаза его не стояли на месте. Было видно его отчаяние и то, что я мешаю ему скорее сделать намеченное.

— А кто забрал твой телефон и футболку? — с искренним участием спросил я.

— Ребята и девочка. Я с ними познакомился вчера на рынке. Они пригласили меня домой и угостили водкой. Мы легли спать, и сегодня утром я оказался у речки в кустах. Мне надо идти к ним и спросить про мои вещи.

Его поведение показывало крайнюю возбуждённость, он был как в бреду. Я почувствовал от его дыхания запах выпитого спиртного. «Может быть, хорошо, что они напоили его, — подумал я, — это помогло ему выжить в холодной ночной влаге».

За моим автомобилем остановилась полицейская машина и включила едва заметную, беззвучную мигалку. Два полицейских отделились от неё и направились к нам, проделав тот же путь, что и я.

— Не бойся, мой мальчик, — тихо сказал я, глядя Диме в глаза, — это специальные люди посланы за тобой Богом, они помогут тебе найти справедливость.

Когда они приблизились, я представился и убедительно сказал им:

— Я думаю, он находится в розыске.

— Где вы встретили его? — спросил меня офицер полиции.

— Он в полном одиночестве шёл по трассе в сторону города.

— Благодарим, что проявили гражданскую чуткость. Можете быть свободными.

— Обратите внимание, — громко крикнул я полицейским, указывая на одежду мальчика, — он весь мокрый, на одежде ещё не высохшая речная тина. Это покушение. Согрейте его — он может заболеть.

— Мы все видим, не волнуйтесь. Главное состоит в том, что он нашёлся.

Дима совершенно забыл про меня и двинулся вслед за полицейскими. Их форма, серьёзный и сосредоточенный вид подействовали на него ошеломляюще, он безоговорочно подчинился.

Я смотрел им вслед и убеждал себя: «Они же настоящие полицейские». На всякий случай я запомнил номер служебной машины — 352.

Они перебежали дорогу втроем. Полицейские одной рукой придерживали фуражки, а другой держали за руки мальчика. Они сели в автомобиль, включили мигалку, включили поворотник, выехали на дорогу в сторону города и через мгновение скрылись из виду.

Этот преданный людьми ангел не выходил у меня из головы. Я всё представлял его идущим на городской рынок к ребятам и девочке, так жестоко обошедшимися с ним. Он всё ещё продолжал им верить, думая, что произошедшее — досадная случайность. Они просто где-то разминулись, разошлись. Ожидаемая встреча всё поставит на свои места. Они ждут его на рынке, чтобы вернуть красную футболку и телефон, случайно оказавшиеся у них в руках. Он напряжённо идёт, и диалог с ними в его голове не прекращается ни на секунду. Он ждёт больше всего на свете, что этот разговор станет явью у торговых рядов городского рынка, куда он приехал посмотреть на любимых им голубей.

Но его посещают и другие мысли, которые пугают его до душающей тошноты. Он думает, что они обманули его, заманив в эту сумрачную, неудобную квартиру. Смеялись, когда он просился домой, заставили выпить водки и пьяного укладывали спать. Затем каким-то образом вывезли за город, к реке, потому что у старшего из них была старенькая разбитая машина «Жигули». Несли его за руки и ноги до пологого берега, заросшего кустами ивы, и бросили умирать, предварительно обокрав.

Я сел в машину и несколько минут не мог двинуться с места. Сидел неподвижно и вдруг увидел этот чистый сиреневый взгляд ангела, его худенькую фигурку, синюшную вытянутую прозрачную шею, его тонкие холодные пальчики и полотняную бледность... Он мог погибнуть, брошенный у холодной реки, ограбленный, оставленный, беспомощный, в полном одиночестве в тёмной, непроглядной ночи. Оторопь нашла на меня. Я увидел, как он, маленький человек, весь погружённый в свои мысли, совершенно одинокий, идёт по обочине федеральной трассы большой России. Сколько ещё таких мальчиков идут по обочинам дорог необъятной России?! Ещё один шаг, и он сломается, безвозвратно потеряет веру в людей. Весь добрый мир в его голове перевернётся и сделается злым и враждебным. Что с ним станет потом? Эта обида, причинённая ему злыми ребятами и девочкой, не забудется им никогда...

Я сглатывал подступивший к горлу ком, и слёзы наполнили мои глаза. Их вызвала обида за одинокого, незащитного мальчика, оказавшегося в беде. И я как-то вздрогнул всем телом от невозможности всё вернуть для него, как было прежде, до этих кошмарных и разрушительных событий. Вернуть его прежний счастливый мир с родителями и сверстниками в школе. Его любовь к домашним голубям и его мечте: когда он подрастет (как говорил ему отец), завести своих голубей в высокой голубятне с шестом и любоваться их полётом в чистом, необъятном небе, делая своим восторгом с другими такими же невинными мальчишками.

— Господи, — твердил я, вырывая на трассу, — помоги ему не сломаться и не исчезнуть в этом

страшном, ледяном, циничном мире, похожем на одичавшее животное, готовое поглотить всякую невинную живую плоть...

НАСТЕНЬКА

Мать сперва отругала Настю за то, что она не соврала ювенальщикам, а сказала всю правду. Надо было говорить, когда спрашивали, что в семье всё хорошо, всё ладно: в холодильнике полно еды, на кухне чисто, немытой посуды в раковине нет, одежда выстиранная и свежая, в квартире вещи не разбросаны где попало, всё прибрано, мать и отчим не выпивают и не ругаются. Настенька очень хотела есть, когда с ней разговаривали две женщины в школе, и она говорила им правду от отчаяния. Вдруг они, государственные люди, помогут изменить её жизнь. И в холодильнике будет еда, и одежду новую пришлют, как прислали в начале учебного года ранец для учебников, пенал, ручки, карандаши. Рассказала всё как есть. Одна женщина записывала в блокнот сказанное ею. Только Настенька просила, глядя на другую женщину, стоящую рядом с той, полноватой, которая писала:

— Маме не говорите. Она меня отругает за правду.

— Мы не скажем, не бойся.

— А как мой братик, Серёжа? — осмелилась спросить Настенька, почувствовав доверие к этой женщине, внимательно рассматривающей её. — Где он сейчас живёт?

— Скучаешь? — спросила женщина.

— Конечно, соскучилась, — с надеждой посмотрела в самые глаза и спросила, осмелев: — А он когда к нам вернётся?

— Жизнь у вас в семье наладится, и Серёжа вернётся, — улыбнувшись как-то неестественно, ответила чужая женщина.

А когда Настенька пришла домой, увидела, что мать в ярости. Она ругала её на чём свет стоит, последними скверными словами.

— Тебя, как и Серёжку, заберут, и будешь ты жить без меня в интернате. Чужим людям рассказываешь про бедное житьё наше, сор из избы выносишь, негодница.

А когда выпили они с отчимом, мать вошла в комнату и ударила Настеньку под дых. Дыхание её прервалось, она согнулась и, не проронив ни звука, легла там, где стояла, на пол.

— Подыхай тут одна, — развязно и зло бросила мать и вышла на кухню к сожителю, сказав ему зло, недоброжелательно, ненавидя его всей душой:

— Пособие перестанут платить — пойдёшь туда, откуда пришёл: к дверям церковным побирушкой.

Легла на диван, заваленный разными вещами, пакетами с испорченными продуктами и включила телевизор.

Дыхание девочки мало-помалу восстановилось, но вставать с холодного пола ей не хотелось. Горькая обида навалилась на её хрупкое тельце и словно придавила её. Слезы душили её маленькую грудку, она сглатывала их и, сдавливая рыдания, чтобы их не было слышно, терпела. Сколько времени пролежала на полу, она не помнила. Звук открываемой двери заставил её вздрогнуть. Она подняла голову. Вошёл отчим в майке и трусах.

— Вставай, Настя!

Он наклонился над ней, взял её за худенькие плечики большими, липкими, волосатыми руками, приподнял и посадил.

— Чего ты скрючилась на полу, простынешь вся, околеченешь.

Она не могла переносить отчима. Никогда не брала из его рук ничего. Мыла ложки и стаканы, к которым он прикасался, с мылом, по несколько раз. От него исходил, особенно летом, удушливый запах, и находиться с ним рядом было неприятно. И сейчас она испытала отвращение. Она высвободила плечики и вскочила на ноги.

— Слышишь, Настя, — обратился он к ребёнку, — сходи в «Пятёрочку», купи пачку сигарет «Ява», а то мне до утра курева не хватит. И пиво, девятку, «Балтика», возьми, — он пересчитывал деньги на растопыренной ладони, — на оставшиеся купишь себе еды.

Настя вытерла лицо, смахнула со лба волосы и взяла деньги.

Уже вечерело. Сентябрь был тёплый, но к ночи становилось заметно прохладнее. Настя вышла из подъезда одиннадцатизэтажки и направилась в магазин. Он занимал весь первый этаж соседнего дома. Она спешила. Очень хотелось есть. Оставалось после покупки пива и сигарет семьдесят рублей. Их хватило на самую дешёвую пачку чипсов «Лейс» за 67 рублей 99 копеек.

— Пиво для кого, девочка? — спросила кассирша.

— Для сожителя матери, — ответила Настенька.

— Понятно, алкаш, — сказала сама себе кассирша, — вот бы взять и не отпустить тебе товар. Ишь, повадился дитё присылать за выпивкой.

— Отпустите, плохо мне будет, — тихо сказала Настенька, опустив голову.

Выйдя на улицу, Настенька разорвала упаковку с чипсами и всю дорогу домой с удовольствием ела.

Взяв из рук девочки пиво и сигареты, отчим заинтересовался:

— Что себе купила?

— Чипсы «Лейс».

— А где они?

— По дороге съела.

— Ты чего, не оставила хоть попробовать? — возмутился сожитель.

— Я есть очень хотела.

А вечером они опять выпивали, разговаривали на кухне. Потом голоса стали звучать громче, они руга-

лись. Настя слышала, как он бил мать, а она молчала. Нельзя кричать: ювенальщикам донесут и пособие не будут давать. Потом было падение тела. Насте стало страшно. Она сидела в углу и ждала, что он придёт к ней и тоже будет бить. В тишине, когда она поняла, что он вышел на балкон курить, она приоткрыла дверь и заглянула в комнату. Мать лежала на полу, лицо было измазано кровью, она молчала.

Настенька прикрыла дверь и, не раздеваясь, легла в свою кровать, укрывшись одеялом с посеребрившим пододеяльником. Она думала о матери и задавала себе вопрос: жалко ли ей её? И когда она поняла, что ей не жаль, что ей всё равно, ей стало еще страшнее. Она поняла, что она осталась совсем одна в этом ледяном мире. И от холода, и от голода, и от переживаний она быстро уснула. Только ночью её разбудили странные громкие звуки. Мама вскрикивала, и Настеньке показалось, что он опять бьёт её, но сил проснуться и подняться посмотреть у Настеньки не было.

В школе опять было голодно. Мать с отчимом, если начинали пить, то продолжали несколько дней. Они никогда не могли остановиться сразу. Пили до момента, когда не на что было купить сигарет и выпивки. Это были самые непроглядные дни для Настеньки. Она была в квартире, но словно не существовала для матери, которая совсем не замечала её: была ли дочь сыта, хорошо ли она оделась в школу, сделала ли уроки. Настенька была брошена в эти печальные, скорбные дни. Она стыдилась матери и боялась больше всего на свете, что кто-нибудь из одноклассников узнает о её несчастной жизни.

Сегодня, в самый важный день, её подвёл гольф на правой ножке. Как она ни пыталась скрыть дырку на пяточке, пряча ее в туфельку, она всё равно вылезла неровным окоёмом над задником туфельки. Мальчишки увидели это и, наклонившись с улыбочками друг к другу, предательски обсуждали её неряшливость. Поздно было прятать. Да и как спрячешь во время урока? Ещё внимание большего числа мальчишек привлечёшь к себе.

На большой перемене к Настеньке подошла Ксения и протянула ей бумажный хрустящий пакет.

— Возьми, моя мама тебе просила передать.

— А что это? — с удивлением спросила Настенька.

— Это вкусные пирожки с капустой и картошкой.

— Нет, нет, — сказала Настенька, смутившись. На её бледном лице даже проступил едва заметный болезненный румянец. Отказываясь, она так захотела предложенных пирожков, что у неё в животе заняло и засосало. — Я не могу, не могу это взять. Я не голодна.

— Бери, — ласково улыбалась Ксения, — мама просила тебя угостить. Она помнит тебя, когда ты с матерью приходила к ней на приём в поликлинику, помнишь? Кабинет кардиологии? Она сказала, что любит тебя и никогда не забывает.

Настенька словно услышала в голосе Ксении лучик надежды, засветившийся в этих словах и искренней заботе. Душа её потеплела на мгновение, потому что она почувствовала, что не одна в этом мире. Она протянула руки и взяла пакет с пирожками. Уложила его в ранец и всё время занятий в школе думала о нём. После уроков она шла по улице неторопливо и ела вкусные румяные пирожки. Она вспомнила, как мать её тоже готовила пирожки, пекла блинчики, пока не погиб отец. Они очень дружно жили до войны. И вновь ею овладела боль расставания с отцом. Она ярко вспомнила, как отец приходил в отпуск. Он, в военной форме, с цветами в руках, шёл по школьному коридору, мать семеняла за ним, отец открыл дверь в класс, и она, узнав его, не спрашиваясь, кинулась к нему и, прижавшись всем своим хрупким тельцем, плакала при всём классе от радости и счастья, что он вернулся домой.

А потом... Настенька уже ничего не могла вспоминать. Её память словно останавливалась у какой-то бездны, за которой были только тьма и боль. И завершалась эта боль не светом и надеждой, а безвыходностью её теперешнего положения, которое угнетало и приводило в отчаяние. Она знала, что ожидает её сейчас дома. Обида и жалость к себе гнали её прочь от дома. Она бесцельно бродила по улицам, останавливалась в магазине, чтобы согреться, сидела на лавочке и писала в тетрадке по математике: «Очень боюсь высоты. Но страх и боль будут недолгими. Они будут намного короче, чем эта бесконечная боль. Страдания мои закончатся навсегда. Больше никогда не будет боли».

Какая-то решимость овладела ею. Она встала и пошла к своему подъезду. Поднималась на одиннадцатый этаж ни о чём не думая, кроме освобождения от боли. Она торопилась. Запыхавшись, сняла ранец и поставила его на пол у двери ничейного балкона. Наверху не было никого. Она распахнула незапертую дверь и вышла на ветер. Уже темнело. Внизу шли маленькие несчастные чужие люди, зажигались фонари, качались кроны ещё зелёных деревьев. Она задохнулась от страха, но решимость не оставила её. Она склонилась, свесилась вниз и, окончательно потеряв равновесие, полетела к земле. Настенька ударилась оземь, и её бедное сердце остановилось.

ЧТЕЦ

Судьба этого человека была безжалостна к нему. Но с нами происходит только то, что мы выбираем. С тех пор, как я потерял всякую связь с ним, он успел отсидеть в тюрьме, жениться, торговал наркотиками и употреблял их, ещё раз стал арестантом, вышел из зоны и, будучи на свободе, находился в состоянии постоянного риска вновь оказаться за решёткой. Он искал разные возможности, чтобы избежать очеред-

ного заключения. Не выходил на связь с поделниками и бывшими друзьями. Делал попытки найти оплачиваемую работу, чтобы не сидеть на шее у матери. Но с работой не клеилось. Ему было сорок два, и история его жизни не внушала доверия работодателям. Почти всё время проводил дома на диване у телевизора. Много курил, пил крепкий, из одной заварки, чай и боролся с желанием позвонить кому-то из старых друзей. Но обещания, данные себе и родителям своей, сдерживали его. Мать этому была рада. Она экономила на всём, чтобы сын был рядом, сыт и в тепле. О, сердце матери. Кто способен изменить его глубину!

Я встретил его на улице случайно и сразу узнал. Высокий человек, ростом под метр восемьдесят пять, хорошо сложенный, с лёгкой походкой. Он был коротко стрижен, волосы не густые, но все были на месте, на висках слегка тронутые искорками седины. Он шёл мне навстречу и улыбался, первым узнав меня. С самого детства я помнил эти смеющиеся серые глаза, легкомысленную, самодовольную улыбку. Правильные черты лица: прямой нос, полные губы и всегда розоватые, как у больного туберкулёзом, щёки. Он всегда нравился девочкам, но более всего он нравился самому себе. Это было причиной многих бед его от внутренней слепоты — этакая непроницаемость эгоизма.

Мы протянули друг другу руки и крепко пожали их.

— Как я рад видеть вас, Николай Николаевич! — Он тряс мою руку и не хотел отпускать.

Ладонь его была крепкая, большая, но не натруженная тяжёлой работой.

— И я рад повидать тебя, Сергей Делягин, — невольно улыбнулся я его искренней приветливости.

— Всегда с благодарностью вспоминаю наши тренировки, — наконец он отпустил мою ладонь, — и вы знаете, как мне помог бокс в моей беспутной жизни. Если бы не вы, Николай Николаевич, мне было бы, честно сказать, хреново.

— Когда это было, Серёжа, — произнёс я, — прошло, дай-ка я припомню, — я пытался в уме посчитать года, потом бросил, сказав: — А, ладно, это было сто лет назад.

— Вы забыли, а я всё помню: это было двадцать четыре года назад.

Он с сожалением растянул губы и покачал головой.

— Самое лучшее время в жизни.

— Да, это было давно. Даже я был молод. Но дни суетны и лукавы.

— Почему вы нас бросили тогда и ушли с тренерской работы? — Сергей внимательно посмотрел мне в глаза. — Вы были для нас больше, чем тренер.

— Ладно, Серёжа, ты преувеличиваешь.

— Нисколько, — прервал он меня. — Я много раз об этом думал. И не только я. Мы часто вспоминали вас и говорили о вас с вашими бывшими воспитан-

никами. Если бы вы нас не бросили, то многие, в том числе и я, прожили бы другую жизнь, более настоящую, что ли.

Он посерьёзней, и голос его изменился, стал грубым.

— А вы знаете, что Андрея Чудотворова уже нет, он умер. А Ливинцева убили ножом в сердце. А Максим Пименов не просыхает. А я пару месяцев, как освободился. Вторая ходка была, и я не нахожу себя здесь, никому не нужен.

Я смотрел на него и молчал. Что я мог сказать в своё оправдание? Я сам был молод и горяч. На одной из тренировок пацаны не слушались. Одиннадцатиклассники, молодые львы, дерзкие, отважные. Я вешал мешки на крепления, а они, вместо того чтобы выполнять данное им задание или предложить помощь, баловались. И меня возмутило их поведение. Я слез со стремянки, надел перчатки и сказал: «Если вы всё уже знаете о боксе, докажите мне делом». И третий из них, который встал со мной в спарринг, по-настоящему хотел достать тренера ударом справа. А я, решив проучить его, левым боковым отправил в нокаут.

Моя педагогическая ошибка так расстроила меня, что я решил оставить тренерскую работу.

— Я слышал, — сказал Сергей, — что вы круто изменили свою жизнь и стали священнослужителем, да?

— Да, Серёжа, изменил всё направление своей жизни, сам удивляюсь этому обстоятельству.

— А можно я к вам приду по старой памяти? Не прогоните грешника? — И он улыбнулся своей очаровательной улыбкой. — Мне некуда больше идти, поверьте.

— Я буду рад, если ты действительно придёшь, как говоришь. Я покажу тебе новую жизнь, не похожую на эту.

— Я приду, — твёрдо сказал Сергей, протягивая мне руку.

Мы расстались. Я смотрел вслед его при каждом шаге подпрыгивающей походке и с горечью упущенных возможностей вспоминал, насколько он был талантлив в спорте.

Сергей пришёл в следующее воскресенье. Я увидел его среди молящихся прихожан. Он стоял, возвышаясь над многочисленными женщинами с детьми и бабушками. Стоял, не крестясь, а внимательно наблюдая за происходящим. Потом он выходил в боковую дверь, уставая от непривычного стояния на одном месте, и снова возвращался. Служба в храме закончилась. Я вышел проповедовать и вдохновенно говорил о пути человека к Христу, о внутреннем совершенствовании, о покаянии и проникновенно касался вопроса любви Бога к человеку, подчёркивая, что Христос видит в последнем грешнике потенциального святого. Мне хотелось донести эту мысль до Сергея, чтобы она осталась в нём как самая главная сегодня.

Потом люди потянулись к Кресту, и он пошел вслед за ними. Он вытягивал шею и приглядывался, как они прикасаются к Кресту, чтобы не ошибиться и сделать то же самое. Он торопливо приложился и сообщил мне:

— Мать моя обрадовалась, когда узнала, куда я пошёл, и передала вам привет. Вы уделите мне несколько минут, я вас подожду?

Лицо его было серьёзным и спокойным. Казалось, умиротворение на короткое время поселилось в нём. Он не улыбался по обыкновению, а был собран и сдержан.

Через несколько минут я вышел из алтаря и подошёл к нему.

— Я хочу читать в церкви, как вон тот ваш парень в желтой одежде, — он указал пальцем на алтарника Кирилла, — я хочу, как он.

— Серёжа, во-первых, благодарю тебя за то, что ты пришёл. Мне, честно, приятно тебя видеть. Как ты заметил, мужчин в храме немного. И рад я безмерно, что у тебя появилось желание участвовать в богослужении.

Я подвёл его к регенту, и они познакомились. Далее начались удивительные события. Он стал приходить в храм не только в субботу и воскресенье, но и в будни. Его решительный рост в освоении материала был колоссален. Через пару месяцев он уже читал на церковно-славянском часы, кафизмы, паремии и Апостол. Регент хора, сорокапятилетняя Анфиса, уже лет пятнадцать жившая одна без мужа, прилежно занималась с ним, и наряды ее стали разнообразнее и красивее. Она давала ему домашние задания и иногда приглашала его в свой дом для репетиций.

Он был первым во всех чтениях, и многие певчие и чтецы обижались на него, потому что Сергия на клиросе «было слишком много».

Когда на богослужении не было алтарника, он выполнял послушания в алтаре с завидным смирением. Каждое воскресенье успевал на часах подойти к исповеди и каяться, вспоминая старые страшные преступления. Он требовал духовные книги и читал их запоем. Часто приходил с клочком бумаги, где были записаны вопросы ко мне.

Это было стремительное восхождение из бездн греха к свету Евангельской Истины. Я с удивлением и тревогой наблюдал за духовным ростом и радовался. Вскоре он стал такой неотъемлемой частью храма, что трудно было представить храм без него.

Однажды на исповеди я сказал ему осторожно, что в духовной жизни надо идти так медленно, чтобы казалось, что стоишь на месте: «А ты прямо бежишь сломя голову. Гляди, упадёшь в канаву. Испытания могут настичь тебя. Ты уже при покровительстве Анфисы Николаевны свои порядки готов на клиросе устанавливать». Он ничего не слышал. А я видел, как он опять хочет быть лучшим, первым, как в прежней своей жизни, только теперь в новых обстоятельствах — тщеславится, *упивается* своими

духовными достижениями, то есть делается пьяным от них и теряет контроль над собой.

Так прошёл год. Серёжа совершенно освоился на приходе. Посетила меня его мать, поседевшая женщина в голубом выцветшем платке, с лицом, осунувшимся от скудной еды, уставшая от жизни, смиренная и тихая, но не потерявшая надежды. В её глубоком смирении ещё теплилась радость, но не удовлетворение от действительной жизни, которая ничего хорошего не обещала ей, а от надежды на будущую жизнь, что всё когда-нибудь закончится и Христос примет в свой покой всех труждающихся и обремененных, ибо иго Его — благо и бремя Его легко есть. Она благодарила меня за сына и сказала, что помнит, как я возился с её мальчиком в спортивном зале общества «Спартак», куда она приходила с ним, просила и теперь его не бросать.

Сергей светился радостью. Он захотел большего после паломнической поездки в один из знаменитых монастырей России. Монастырский уклад и образ монашеской жизни произвели на него глубокое впечатление. Он был потрясён и сказал: «Я всё видел в этой жизни, и она больше неинтересна мне. Я хотел бы оставшуюся жизнь провести в близости к Богу, а монастырь N как раз то место, где навсегда осталось моё сердце».

Я удивился этому неожиданному повороту событий. Но принял их за Промысел Божий в судьбе Сергея. Его ревность к службе, прилежание к чтению, богомыслие и духовные рассуждения убеждали меня, что ему можно войти в монастырское братство на правах испытуемого послушника. И утешала мысль о том, что за годы послушничества монастырский устав, старцы и духовники довершат работу, которую я начал, но не успел завершить, — устройство человека к иноческой и монашеской жизни.

— Не хочу тешить надеждой Анфису, — сказал он мне на исповеди, — дружеских отношений она не понимает, а блуда я не хочу, хватит. Это одна из причин моего ухода из мира. Я виновен в том, что несколько лет назад соблазнил жену своего брата. Мне очень стыдно рассказывать вам об этом грехе.

Я накрыл его голову епитрахилью и прочитал над ним разрешительную молитву.

Он не уходил, молча стоял рядом со мной, как бы на что-то решаясь.

— Ты о чём-то хочешь попросить меня, Серёжа?

— Да, Николай Николаевич, — он спохватился, щёки его стали ещё розовее и, он, виновато склонив голову, поправился: — Простите, отец Николай. Вы можете мне написать рекомендательное письмо к начальству монастыря?

Я пообещал ему.

Через неделю с рекомендательным письмом к наместнику монастыря N он отправился, как он сам сказал, «в один конец».

Братское общежитие напомнило ему зону. По внешним признакам монастырь был схож с ней. Од-

нажды, совершенно обессилевший от послушаний и молитв, укладываясь в постель, вдруг, с какой-то внутренней болью (так бывает, когда допустишь ошибку и она боком выйдет для тебя, а исправить ничего нельзя — то сердце падает в груди, каждый раз, когда подумает об этом, и притупляется сознание от невозможности изменить случившееся) он явственно представил себе следующую картину.

На «двойке» уже был отбой и люди спали. Не на такой кровати с матрацем, а на стоящих в ряд двухъярусных нарах с двумя настилами. До воли Сергею Делягину было ещё очень далеко. И как он мечтал о ней, и даже снилось это ему, как он открывает дверь и она не заперта, и не сторожит вертухай. Выйди и иди в степь, поднимись на холм, за холмом дальше в сосновый перелесок, на широкую дорогу, сквозь лес ведущую к свободе. И иди, иди, насколько хватит твоих сил, пока не упадёшь на колени от усталости. Но не останавливайся, ползи на коленях, пока не ляжешь, вытянувшись вдоль дороги. Но продолжай путь и тогда — двигайся, раздирая в кровь руки и глотая песчаную пыль. Ползи по своей воле, ведь ты вышел сам в незакрытую дверь и сам пошёл, куда захотел, куда сам решил. И вот вновь в его жизни строгое подчинение закону, монастырскому уставу, вновь постылая несвобода. Он не должен покидать территорию монастыря без благословения духовного начальства, потому что подписал соответствующие бумаги. Он ничего не может делать здесь по своеволию. Послушание — вот главное слово, определяющее весь строй жизни монастыря. Он понимал, что опять оказался в плену. Но почему этот плен так радостен, так желанен, что он не ищет незапертую дверь, чтобы самовольно распахнуть её и уйти?

Вдруг он понял, что в послушании открывается другая, непонятная миру свобода — свобода от самого себя! От своих развращений, от своего растленного ума, от своей гордыни и заносчивости, от различных страстей, которым ты служил, как раб, всю жизнь и не имел силы остановиться. А там, впереди, вырастет с Божьей помощью новый человек по образу и подобию сотворённый Богом, такой, каким явил себя миру Сын Божий и Сын человеческий Христос. Здесь все идут к Нему. Каждое делание в послушании приближает к этой неизбежной встрече. И все блага мира — ничто перед грядущей встречей со Спасителем. Не закон держит его здесь, не устав ограничивает его действия, а нераскаянный, неотмолённый грех, его преступления и ошибки, его неправды. Он сам — захламлённый сундук с ветхой, давно истлевшей одеждой. Ему надлежит навести шмон в этом сундуке и очистить его от всякой скверны.

Как хорошо сказал вчера в проповеди наместник монастыря о покаянии.

Один послушник спросил у старца:

— Авва отче, как спастись?

— Надлежит тебе непрестанно каяться. Так спясься.

— Какой смысл в покаянии? — вновь спросил послушник.

— За дверью кельи возьми два сосуда, — приказал старец.

Послушник вышел из кельи и принёс два запывшихся горшка.

— Налей воду в один из них и вылей на землю, — вновь приказал старец.

Послушник сделал. Старец попросил повторить это ещё два раза с тем же горшком.

Когда послушник закончил, старец спросил его:

— Теперь посмотри, чем отличаются два горшка, которые ты взял?

— Тот горшок, в который я наливал воду, чист.

— Вот так и ты поступай, всегда держи себя в чистоте, остальное довершит благодать.

Сергий (так теперь все звали его) понял всем своим существом, что послушание — это не рабство, а свобода. И монастырь — это не зона, а путь на небо из грешного мира.

Прошло три месяца его пребывания в монастыре. Час был поздний. Он лежал на постели в выделенной ему келье, положив руки за голову, и слушал монастырскую тишину. Она была оглушительной. Он поймал себя на мысли, что ему необыкновенно хорошо и покойно. Что давно не было так хорошо. Ни дома, когда, очумелый, ложился спать после дневного сидения у телевизора, сразу после освобождения из тюрьмы под знакомым потолком квартиры матери. Ни в церкви, которая стала для него местом причала после безумных скитаний, потому что из церкви он выходил в бурлящий, как огненный котёл, мир. Ни тогда, когда Анфиса заботилась о нём подобно матери, полюбив всем сердцем, а он не принял её любовь, выбрав другую путь — послушания и тяжёлый труд, здесь за толстыми белыми стенами, под жестяной крышей с маковкой наверху и крестом их братского корпуса, под черным небом, пестрящим звёздами. Пробуждения на полунощницу чуть свет под глухие удары колокола в мировой пустоте, когда весь мир ещё спит. Он почувствовал, что пришёл домой, и пришёл навсегда. Радость вдруг нахлынула в сердце и так расслабила его, что заполнила всю грудь и приступила к голове. Слезы потекли в бороздки морщинок под глазами, потом по щекам, заросшим щетиной, и остановились в растущей бороде. В эту минуту он не хотел, чтобы это состояние умиления оставляло его. Оно было слишком сладостным. Он лежал, убаюканный своими мыслями, и засыпал.

День начинался по обыкновению с удара монастырского колокола. За полчаса до начала утреннего богослужения будильщик обошёл все келии со звоном и произвёл подъём братии на молитву. В пять часов утра братья собрались на полунощницу. Сразу после полунощницы уставное богослужение — утрен-

ня, первый час, часы и Литургия. Присутствовали все, кроме тех, кто нёс послушания на скотном дворе или на кухне. После трапезы, которая была в семь часов утра, братья уходили из трапезной тихо на послушания с Иисусовой молитвой на устах.

— Раб Божий Сергей! — окликнул благочинный выходявшего из трапезной Сергея. Это был архимандрит Иона, с очень светлыми, водянистыми глазами под едва различимыми бровями, с рыжей окладистой бородой, в чёрном клобуке и мантии. Его большие мужицкие ладони теребили стёртые узелки чётков. — Тебе к наместнику благословляется зайти, — бесстрастно сказал он. — Пойдём, провожу тебя.

Он пошёл вперёд, согнувшись, размахивая рукавами рясы.

Сергей поспешил за ним. Ни одна мысль не была у него в голове, кроме Иисусовой молитвы. Решение было принято: всё, что происходит здесь, он принимает как волю Божию. Каждое действие, каждое событие, каждое послушание будет благом к устроению его души и спасению.

Они вошли в канцелярию монастыря, и у кабинета наместника Иона остановился и, крестясь, громко произнёс:

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного.

Из кабинета послышался тонкий голосок наместника, епископа Лавра:

— Аминь.

Иона распахнул двери кабинета Лавра, и они друг за другом вошли, встав на огромный персидский ковёр. Отец Иона бросился к епископу, сложив ладони:

— Ваше преосвященство, благословите смиренного и недостойного послушника Вашего преосвященства Иону.

Владыко Лавр сидел в высоком кресле за огромным столом на резных ножках. Из-за его раскрытой, тщательно причёсанной седой головы выглядывала верхняя овальная часть спинки кресла. Он казался маленьким, аскетически высохшим человеком в рясе с Панагией на груди. Казалось, что его ноги не достают до пола. Он поднялся с кресла, вышел из-за стола и широко благословил архимандрита.

— Иди и ты, Сергей, под архиерейское благословение.

Серёжа смиренно подошёл к наместнику, поцеловал его холодную руку и наклонился к груди. Владыка подался вперёд, и они легко коснулись друг друга мягкими бородами.

— Помолимся, братья, — благословил наместник, и отец Иона громко запел «Царю Небесный». Когда молитва Святому Духу была завершена, наместник, вяло перекрестясь, сказал: — Садитесь, братья.

Архимандрит и Сергей уселись не у стола наместника, а поодаль на стулья, стоящие вдоль стены.

— Отец благочинный доволен твоими поведением в монастыре, прилежанием к молитве, кротостью